

Департамент внешних связей ЯНАО
ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»

АРХЕОЛОГИЯ АРКТИКИ

ВЫПУСК VII

Типография «Золотой тираж»
2020

УДК 902.2(571.121)

ББК 63.442.7(253.3)

А87

Утверждено к печати Ученым советом ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики».

A87 Археология Арктики: сборник/Научный центр изучения Арктики; научные редакторы В.В. Питулько, Н.В. Федорова. Вып. VII. – Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2020.– 396 с.

ISBN 978-5-8042-0680-3

Вниманию читателей предлагается седьмой выпуск серии «Археология Арктики», представляющий собой научное издание статей российских и зарубежных исследователей. Впервые представлены статьи американских авторов, касающиеся проблем археологии Северной Америки, а также заселения американского континента. Этим культурам посвящен специальный раздел сборника. Статьи сборника рассматривают вопросы взаимодействия человека и природной среды в древности и современности. Как и прошлые выпуски, издание стало возможным благодаря действию в Ямало-Ненецком автономном округе долгосрочной научной программы «Развитие научной деятельности в ЯНАО», подпрограммы «Развитие научной деятельности в ЯНАО в области археологии», финансируемой за счет бюджета округа. Хронологически статьи охватывают период от палеолита до этнографической современности, территориально включают весь арктический пояс планеты.

Научные редакторы: к.и.н. В.В. Питулько, к.и.н. Н.В. Федорова, редакция иллюстраций – Д.С. Тупахин.

Перевод с английского Т.В. Говорухина

Редакционная коллегия сборника: Д.А. Фролов, к.т.н., О.В. Корочкива, д.и.н., В.В. Питулько, к.и.н., Н.В. Федорова, к.и.н.

УДК 902.2(571.121)

ББК 63.442.7(253.3)

10+

ISBN 978-5-8042-0680-3

© Авторы статей, 2020

© Типография «Золотой тираж»
(ООО «Омскбланкиздат»), 2020

Т.Н. СОБОЛЬНИКОВА,

Е.В. КУПРИЯНОВА,

sobtn@mail.ru; dzdan@mail.ru;

АНТРОПОМОРФЫ НЯКСИМВОЛЯ: СТАРЫЕ И НОВЫЕ ОБРАЗЫ (по материалам раскопок 2017 г.)

Аннотация. Антропоморфные образы занимают ключевое место в искусстве раннего железного века народов Урала и Западной Сибири. Несмотря на их стилистическое разнообразие, выделение локальных особенностей и вариантов, выделяются отдельные сюжеты, которые имеют широкое распространение. Среди них – образы людей-птиц или птице-людей и парные изображения людей (близнецы).

В статье вводятся в научный оборот 2 новых предмета бронзовой металлопластики, найденные в погребении, исследованном в 2017 г. при раскопках Няксимвольского археологического комплекса; представляются результаты полевых и камеральных исследований погребения и находок.

Наибольшее внимание уделяется ажурной плакетке с изображением близнецов, параллели которой прослеживаются в искусстве кочевых индоевропейских народов Евразии раннего железного века. Сравнительный анализ иконографии няксимвольской находки позволяет наметить эволюцию в развитии этого сюжета в культовом литье Урала и Западной Сибири, проследить его трансформацию, сделать предположения относительно характера внешних (индоевропейских) влияний на культуру угорских этносов.

Ключевые слова: ранний железный век, культовое литье, культ близнецов, антропо-орнитоморфные образы, погребальный комплекс, Северное Зауралье.

Abstract. Anthropomorphic images occupy a key place in the art of the Early Iron Age of the peoples of the Urals and Western Siberia. Despite the stylistic diversity and the selection of local features and variants of the image of a man, there are individual features which are widely distributed. Among them are images of people-birds or birds-people and paired images of people (twins).

The article introduces 2 new items of bronze metal art from the burial from excavation Nyaksimvol' archaeological complex in 2017; we are present the results of field and camerual studies of the burial and finds.

The more attention is paid to the pendant with the image of «twins», which parallels can be traced in the art of nomadic Indo-European peoples of Eurasia of the Early Iron Age. A comparative analysis of the iconography of the Nyaksимвол' pendant allows us to outline the evolution in the development of this myth story in the cult casting of the Urals and Western Siberia, trace its transformation, and make assumptions about the nature of external (Indo-European influences) on the culture of the Ugric ethnic groups.

Keywords: Early Iron Age, cult casting, Twins cult, anthrop-ornitomorph images, burial complex, North Trans-Urals.

Введение

Антропоморфные образы Няксимволя давно и хорошо известны широкому кругу специалистов, занимающихся изучением древней истории Западной Сибири – археологов, искусствоведов, этнографов, музейщиков. Няксимвольская коллекция художественной металлопластики достаточно представительна, но вплоть до последнего времени формировалась из находок, происходящих из случайных сборов или с раскопов участков с переотложенным культурным слоем.

Ситуация начала меняться в 2016-18 гг., когда археологами Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск) были продолжены стационарные исследования этого археологического комплекса. Раскопы были заложены вдоль осыпающейся террасы Северной Сосьвы, со следами активного антропогенного воздействия. Согласно учетным данным, эта

территория входит в границы поселения Няксимволь 2, примыкающего вплотную с востока к городищу Няксимволь [Собольникова, Кузина, 2018. С. 314. Ил.1]. Памятник был выделен в 1990 г. А.Н. Панфиловым, по сборам неолитической керамики в осыпи берега [Стародумов, Комова, 2014. С. 24].

Наиболее значимым и даже прорывным моментом в изучении няксимвольского археологического комплекса стало обнаружение в границах раскопов участков с сохранившимся (а не переотложенным) культурным слоем. В 2017 г. стало очевидно, что на территории поселения располагается погребально-ритуальный комплекс. При исследовании погребений была получена новая коллекция предметов культового литья – антропоморфных и зооморфных изображений, но уже с археологическим контекстом.

В рамках данной статьи представлены результаты полевых и

камеральных исследований одного из погребений, исследованных в раскопе 2017 г., в котором были обнаружены сразу два антропоморфных изображения. Помимо представления новых материалов, целью статьи являлся также анализ и сопоставление их с подобными им находками в Сибири и на Урале, попытка типологии собранных нами аналогий няксимвольским антропоморфам.

Обзор исследований няксимвольской металлопластики

В археологической литературе находки с Няксимволем, сделанные до 2017 г., не раз становились предметом анализа, чаще всего, в сравнительном плане [Н.В. Федорова, 2009; 2014; Чемякин, 2013; Труфанов, Труфанова, 2014. С. 67-90]. В ходе сопоставления изображений человека, сохранившихся в бронзовом литье или гравировках Няксимволя, с другими коллекциями таежной зоны Западной Сибири, исследователи предлагали свой ответ на вопрос о месте этого археологического комплекса в этнокультурном пространстве таежного Обь-Иртышья.

Так, Ю.П. Чемякин няксимвольскую металлопластику относит к усть-полуйской, наиболее явным отличием ее от сургутского

варианта является миниатюрность [Чемякин, 2013. С. 79].

Неоднократно к теме няксимвольских древностей в своих работах обращалась Н.В. Федорова [Н.В. Федорова, 2009. С. 174]. Предметом отдельного анализа и сравнения их с усть-полуйскими были и зооморфные, и антропоморфные изображения. Относительно первых Наталья Викторовна делает вывод о существенной разнице между ними: «няксимвольские звери и птицы, скорее, имеют сходство с изображениями кулайского и докулайского времени с Барсовой Горы [Н.В. Федорова, 2017. С. 122].

По антропоморфным образам таких выводов нет. Напротив, при описании отдельных усть-полуйских личин и фигурок, в качестве близких аналогий приводятся те или иные няксимвольские находки [Н.В. Федорова, 2009. С. 174-175].

В качестве основных признаков для усть-полуйских антропоморфных персонажей Н.В. Федорова выделяет следующие: «изображение в фас, непропорционально большая голова с крупными миндалевидными глазами и ртом в виде овала или прямоугольника, линии от носа к скулам, редуцированное туловище, трехпалые конечности... отсутствие зооморфных черт в трактовке изображений и их под-

черкнуто «европеоидный» облик» [Н.В. Федорова, 2009. С. 173].

В 2014 г. под редакцией Я.А. Яковлева был издан научно-художественный альбом «Няксимволь», в который вошел подробный каталог образцов няксимвольской металлопластики из шести музеев Урала и Западной Сибири [Няксимволь, 2014]. В этой книге впервые А.Я Труфановым и Ж.Н. Труфановой были систематизированы все известные образцы няксимвольской металлопластики. Антропоморфные изображения составляют 50% от всей коллекции (35 ед. из 70) [Труфанов, Труфанова, 2014. С. 67]. В процессе детального анализа они выделили 2 стилистико-иконографических типа няксимвольской металлопластики: 1 – с минимальной иконографией (глаза-рот); 2 – с максимальной (помимо глаз, носа, рта выражены брови и т.д.) [Труфанов, Труфанова, 2014. С. 82]. Параллели с усть-полуйскими антропоморфами можно провести именно со вторым типом: миндалевидные глаза, носогубные линии. В результате авторы делают заключение о том, что «няксимвольская и усть-полуйская металлопластика, обладая определенным взаимным сходством, по ряду показателей существенно отличаются друг от друга» [Труфанов, Труфанова, 2014. С. 90].

Логичным, на наш взгляд, продолжением этого заключения может быть вывод о разнородности или многообразии няксимвольских антропоморфов (скорее всего, и зооморфов) по стилю, иконографии, сюжетам, технике. В то же время необходимо учитывать обстоятельства формирования коллекции няксимвольского художественного литья. Вплоть до последнего времени она включала в себя находки, происходящие из случайных сборов или раскопов участков с переотложенным культурным слоем.

В этом плане мы согласимся с мнением, высказанным Н.В. Федоровой, о том, что «материалы других, близких хронологически памятников .... сильно уступают информативности Усть-Полужа: большинство (за редким исключением) произведений древнего искусства – это случайные находки вне очевидного культурно-хронологического контекста» [Н.В. Федорова, 2017. С. 107]. Приходится констатировать, что к этому большинству, к сожалению, относился и Няксимволь.

Представляемые в данной статье материалы не только имеют археологический контекст и радиоуглеродную датировку, но и широкий круг аналогий, которые мы попытались проанализировать ниже.

Материалы погребения № 1

Погребение № 1 на дневной поверхности не фиксировалось, что связано с современным антропогенным воздействием. По территории памятника долгое время осуществлялся проезд тяжелой техники. Данному погребению «не повезло» особенно, поскольку на этом участке находилась уже разъезженная к моменту раскопок колея от машины. Культурный слой верхней части погребения был разрушен, перемещен и перемешан с мусором, часть которого оказалась буквально вдавлена в древнее погребение (возможно, машина буксовала на этом месте). Первые находки были сделаны на уровне 15-17 см от современной поверхности (тогда как все остальные на уровне – 40-50 см). При удалении из грунта большого куска старой ветоши, сразу под ней были найдены несколько бусин. Очертания погребения и в плане, и в профиле очень размыты и не имеют чётких границ.

На зачистке могильное пятно фиксировалось в виде вытянутой полосы (0,6 x 2,0 м, длиной 2,0 м), состоящей из линз светло-серого цвета. Ориентировано погребение по линии ЗСЗ-ВЮВ. В стратиграфическом разрезе сохранился только контур нижней части погребения в виде линзы длиной 52

см, шириной 6 см. Форма дна погребения в разрезе прямая, форма стенок не реконструируется. Дно погребения находилось на глубине 22 см от уровня дневной поверхности. Заполнение представляло собой серо-коричневый слой с линзами тёмно- и светло-серого слоя.

Костяк, как и в других погребениях, исследованных в раскопе, не сохранился. В ЮЗ части погребения были обнаружены кальцинированные фрагменты костей. Они были переданы в Институт проблем освоения Севера (г. Тюмень). Определить их принадлежность не удалось. Согласно экспертному заключению О.Е. Пощехоновой, «сжигались с доступом кислорода мацерированные (сухие) кости более 2 часов при температуре 900-1000 °C».

В погребении сохранились органические остатки, но только на участках, прилегающих к массивным металлическим изделиям или их скоплениям. Среди них: фрагменты деревянных покрытий и настила (кедр), бересты, кожи и шкур животных (оленя, пушного зверька), кедровый орех. Определения были сделаны в Институте проблем освоения Севера (г. Тюмень) и будут опубликованы в отдельной статье.

Сопроводительный инвентарь (его большая часть) сохранил своё расположение, не переме-

щён, хотя некоторые предметы были повреждены в результате давления на почву при движении автотранспорта. Он включал в себя два изделия художественной металлопластики с антропоморфными изображениями, топор-кельт, железный нож [Собольникова, Кузина, 2018. С. 321, ил. 4-1], бусины (11 ед.) и бисер (97 ед.) из стекла и пасты, фрагменты бронзовых зеркал (Рис. 1).

Подобные этим предметы, кроме культового литья, присутствовали и в других исследованных погребениях. Топоры-кельты с меандридным орнаментом (все сломаны), были найдены также в могилах № 3, 8; украшения из стеклянного бисера желтого, янтарного или серебристого цвета, синие «глазчатые» бусины – в погребениях № 3-5. Фрагменты зеркал присутствовали в большинстве исследованных погребений.

По расположению и концентрации инвентаря можно предположить, что погребённый был ориентирован головой к реке (на ВЮВ), в 3,6 метра от ритуального кострища.

Как уже говорилось во введении, в статье подробно будут рассмотрены предметы культового литья.

1. Фрагмент миниатюрного изделия с изображением полиморфного образа (птице-челове-

ка?) – находился в восточной части погребения, он был найден между пластами бересты вместе с еще несколькими мелкими фрагментами зеркал. Первоначально он был интерпретирован как один из них, наличие на нем изображения выяснилось уже в процессе реставрации

2. Ажурная плакетка с парным изображением 2 фигур людей. Правая часть изделия была фрагментирована, верхний правый угол отсутствовал. Располагалась она в центральной части погребения.

Реставрация обоих изделий осуществлялась Е.В. Куприяновой.

Датировка

При исследовании погребения было взято 2 образца для радиоуглеродного анализа, который проводился в Лаборатории изотопных исследований (факультет географии, кафедра геологии и геоэкологии, ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»), к.г.-м. наук М.А. Кульковой.

Как видно, полученные даты существенно расходятся друг с другом практически на тысячелетие. Ранняя дата образца № 1 может быть объяснена тем, что, судя по керамике, этот участок берега заселялся в разные периоды

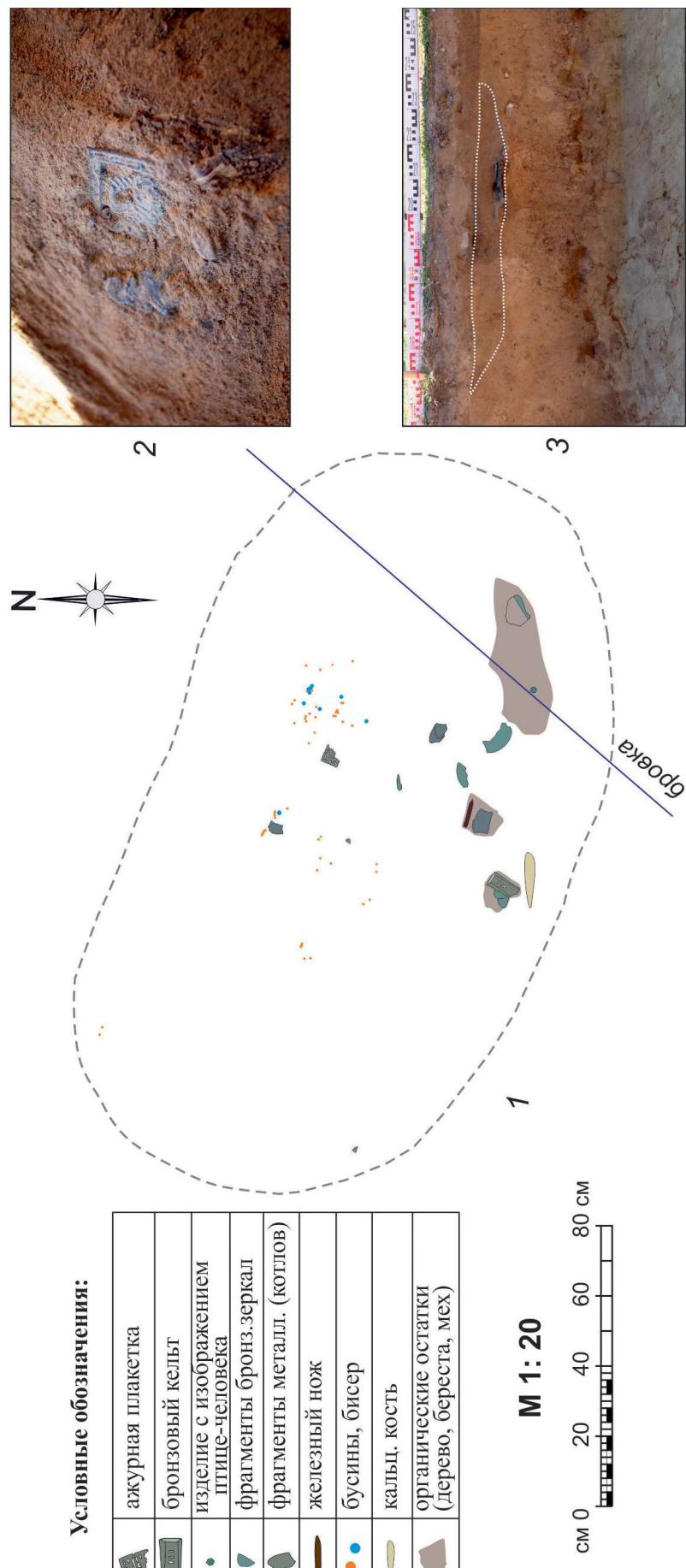
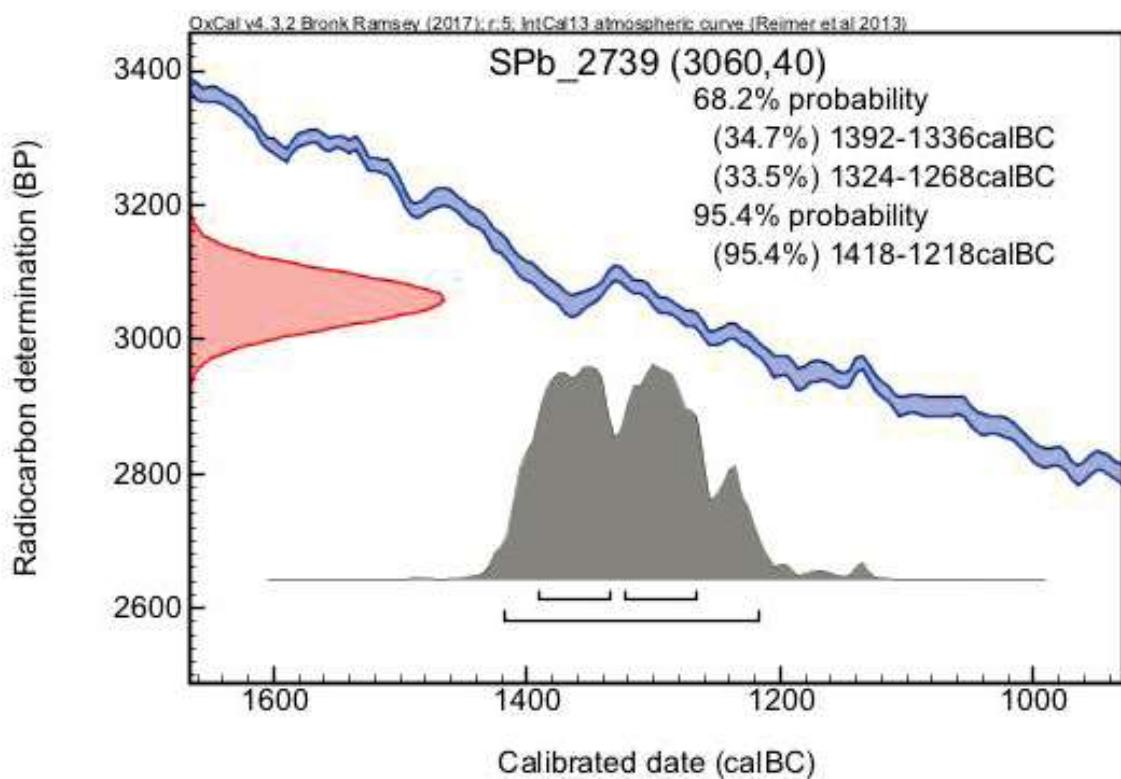

Рис. 1. Погребение № 1 (раскоп 2017 г.): 1 – план погребения; 2 – ажурная пластика *in situ*; 3 – стратиграфический профиль погребения № 1

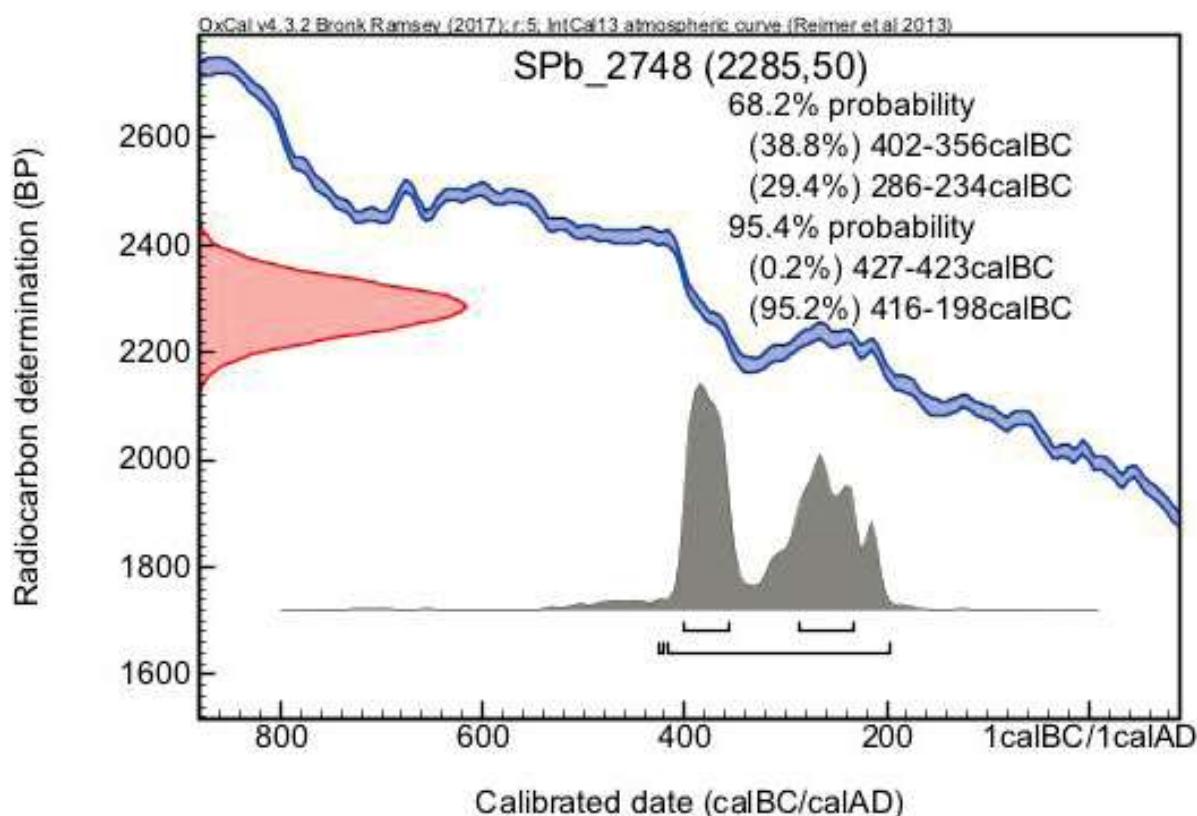
1. Крупный фрагмент угля в центральной части погребения – рядом с бронзовым кельтом.

времени. Самый ранний из них относится к неолиту – энеолиту (IV – начало III тыс. до н.э.). Именно к этому времени по сборам керамики в береговой описи в свое время отнес его А.Н. Панфилов.

Относительные датировки ближе дате № 2. Они могут быть предложены для таких серийных находок, как бронзовые топоры-кельты и бусы. Аналогичные вещи встречаются практически повсеместно в погребальных комплексах раннего железного века Западной Сибири и Урала. Бронзовые кельты, имеющие анало-

гичную форму и орнамент, уже были найдены в Няксимволе. Ю.В. Ширин на основе широкого круга аналогий относит их ко второму этапу кулайской культуры (I в. до н.э. – I в. н.э.) [Ширин, 2014а. С. 36-37].

Стеклянные бусы желтого цвета с внутренней позолотой, синие глазчатые бусы являются импортом, их массовое появление в Зауралье и Западной Сибири относится к IV-III вв. до н.э., а диапазон бытования достаточно широкий – до II в. н.э. [Корякова, 1988. С. 80].

2. Фрагмент деградированной древесины (коры?) – остатки покрытия в восточной части погребения. При его разборе было найдено изображение № 1.

Сравнительный иконографический и семантико-стилистический анализ изображений

Полиморфное изображение представляет собой фигуру антропоморфа с руками, ногами и крыльями за плечами (Рис. 2.1). Края изделия минерализованы и разрушены, но, судя по сохранившемуся фрагменту правого крыла, они могут интерпретироваться и как морды животных в профиль с выраженной пастью и глазом. Голова существа изображает скорее не че-

ловечью, а звериную или совиную, с ушами и круглыми глазами. На груди существа – личина, более напоминающая человеческую.

Образ, объединяющий в себе человека и птицу, хорошо известен в кулайском литье, однако, в няксимвольской металлопластике он ранее не встречался. В изданным каталоге коллекции только одно условно-антропоморфное изображение (личина) имеет такого рода ассоциации [Каталог..., 2014. С. 102].

Среди известных по литературе предметов сибирской металло-

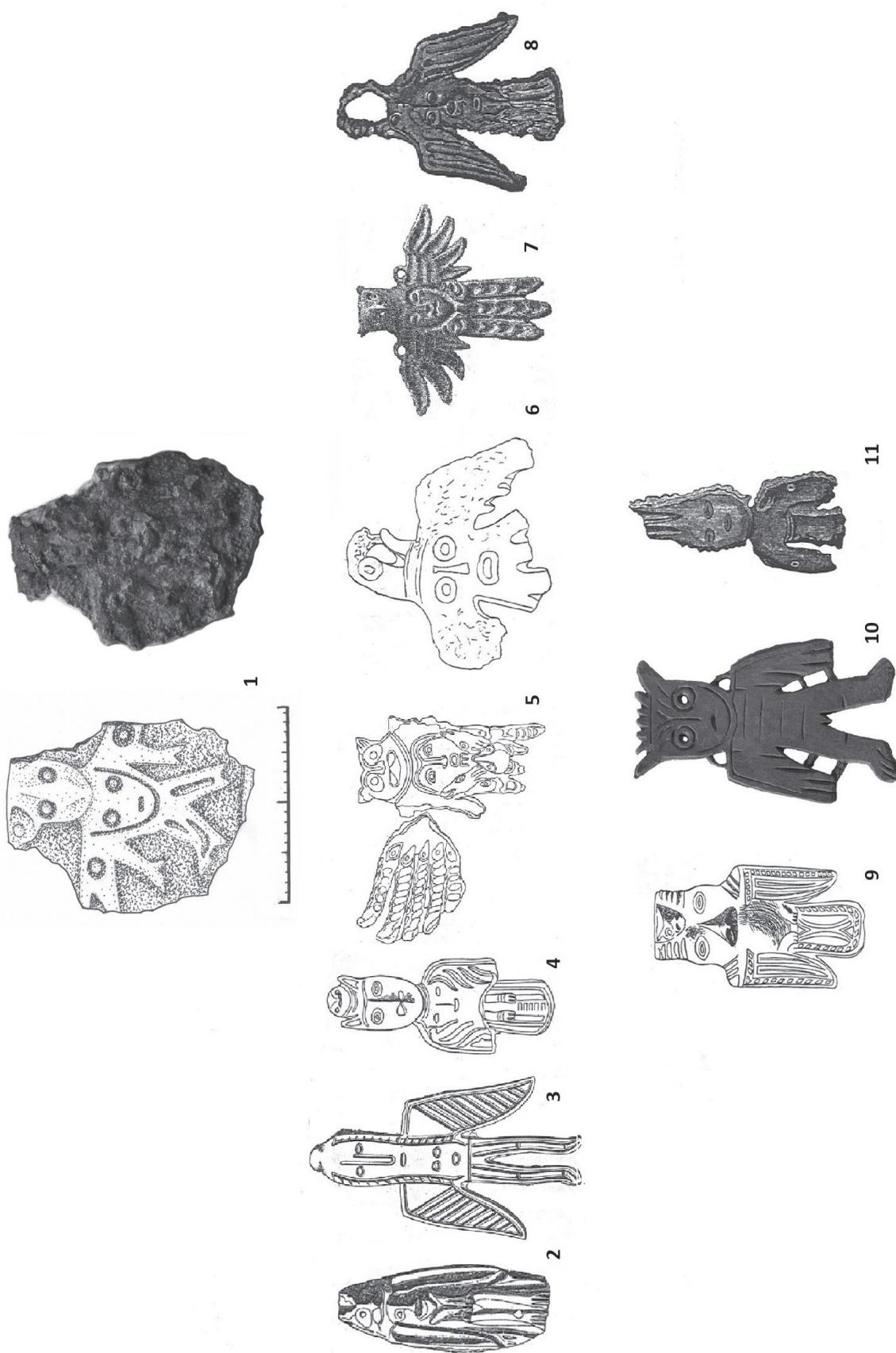

Рис. 2. Антропо-орнитоморфное изображение из Нексимволя и его аналогии: 1 – пос. Нексимволь 2, сектор 3, кв. №3, погребение № 1; 2 – дер. Пешкова; 3 – пос. Тарский; 4 – г. Тарский; 5 – Томск; 6 – Вологодская губерния; 7 – дер. Екатериновка; 8 – г. Томск; 9 – Соллес, приток Печеры; 10 – случайная находка (2-9, 11 – no: Спицын, 1903. Рис. 254, 259, 263; 258, 269; 423; 257; 422; 10 – no: Нукратеу, 2015)

пластики был выявлен достаточно широкий круг аналогий новой няксимвольской находке (Рис. 2.2-11). Большая часть из них происходят из случайных сборов. Примечательно, что стилистически изображения очень разнородны и не поддаются типологизации, но иконографически они делятся на две группы:

- группа 1 (Рис. 2. 2-8) – изображения орнитоморфа (скорее всего, совы или филина) с человеческой личиной на груди;
- группа 2 (Рис. 2. 9-11) – изображения антропоморфа с чертами птицы без личины на груди.

На локальные стилистические особенности изображений такого рода синкетических персонажей обращала внимание Н.В. Федорова: «Личины и фигуры Барсовой Горы кулайского времени заметно отличаются от усть-полуйских: они не столько антропоморфны, сколько человекоподобны, имеют вытянутый обрис, на голове – звериные морды или «древовидные» отростки, составляющие как бы одно целое с личиной. В то время как на усть-полуйских изображениях зооморфные головы вверху совершенно очевидно передают головной убор» [Н.В. Федорова, 2009. С. 174].

Изображение из Няксимволя по стилистике и пропорциям явно тяготеет к личинам с Барсовой Горы. При этом оно совмещает в

себе черты двух выделенных выше групп, имея человеческое тело с крыльями, голову птицы и личину на груди.

В мифологии сибирских народов птичью ипостась имели многие верховные божества и локальные, покровительствующие определенным территориям, селениям [Источники..., 1987. С. 215]. В верховьях Северной Сосьвы в образе филина представляли Иипыг-ойка – «Крылатый старик»; пара филинов – Старик и Старуха считались духами-предками д. Саранпауль [Соколова, 1971. С. 216; Е.Г. Федорова, 2017. С. 142–143]. По этнографическим данным, у северных манси изображения покровителей, имеющих орнитоморфную ипостась, хранящиеся на святыниах, имеют, тем не менее, антропоморфный вид, «хотя некоторым из них придаются дополнительные черты птицы» [Источники..., С. 1987. С. 215; Е.Г. Федорова, 2017. С. 144].

В то же время широкое территориальное и хронологическое распространение данного образа (человека-птицы, птицы с личиной) в сибирском культовом литье позволяет полагать, что в нем отразились некие универсальные представления и понятия. По мнению А.М. Сагалаева, широко распространенный в культовом литье Западной Сибири образ птицы с

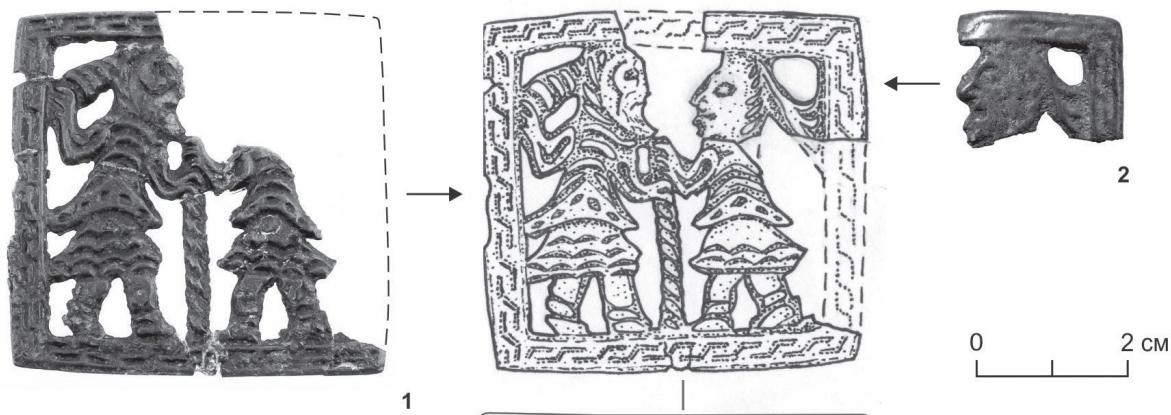

Рис. 3. Ажурная плакетка с двойными фигурами из археологического комплекса Няксимволь: 1 – пос. Няксимволь 2, сектор 3, кв. Д/3, погребение № 1; 2 – Няксимволь, случайные сборы (2 – по Каталог..., 2014. Рис. 35. С.140)

распахнутыми крыльями и личи-
ной на груди связан с представле-
ниями о происхождении шаманов
(первошаманов) от птицы [Сага-
лаев, 1991. С. 118, 119]. Не углубля-
ясь в семантику данного образа и
этнографические параллели ему
(данной теме посвящено немало
работ), отметим, что большое зна-
чение для его интерпретации име-
ет факт обнаружения его в погре-
бении.

2. Ажурная плакетка с парным изображением двух человеческих фигур, повернутых в профиль лицом друг к другу (Рис. 3). Многие детали представленной на нем композиции стали ясны только после реставрации. Функционально ее можно интерпретировать как нашивку на одежду (?). Сделана она в технике плоского литья, имеет квадратную форму (4,6 x 4,7 см); по рамке идет орнамент из меандриодных фигур. Люди изо-
бражены в профиль – лицом друг

к другу. Руки фигур соединены на посохе, расположенным в центре композиции.

Как уже упоминалось выше, изделие было повреждено, имело утраты, а именно, отсутствует его правая верхняя часть – угол рамки и голова правого персонажа (Рис. 3-1). Эта недостающая деталь была нами «найдена» в каталоге няксимвольской коллекции (Рис. 3-2). Этот фрагмент хранится в Березовском районном краеведческом музее, куда был передан местными жителями в 1982 году. [Каталог..., 2014. С. 140].

При использовании рисунка ранее найденной части нами была выполнена графическая реконструкция подвески в целом виде (Рис. 3). При соединении с недостающей частью выяснились интересные детали иконографии изображения. Стали очевидны различия двух фигур, ранее представлявшихся аналогичными и

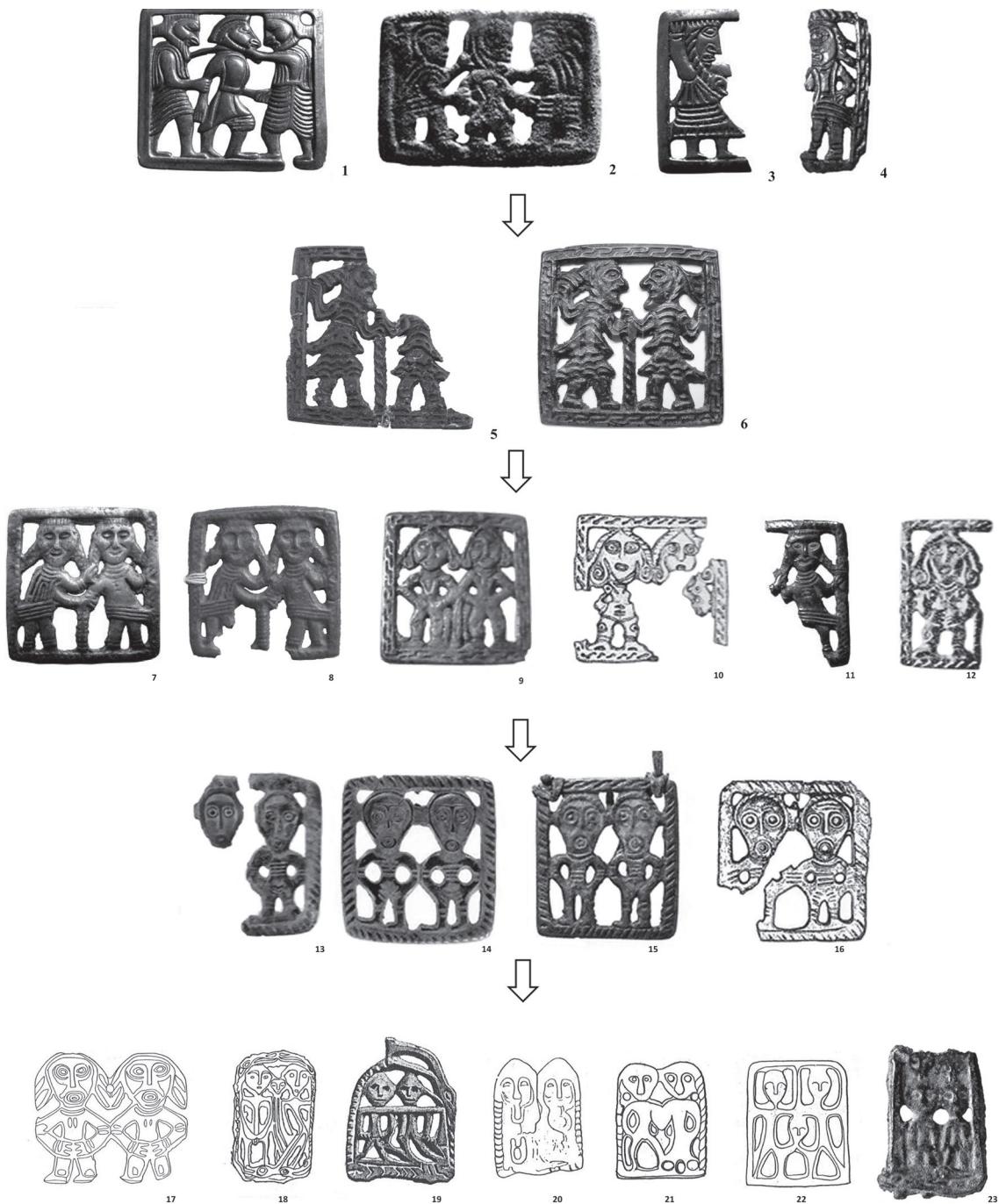

Рис. 4. Эволюция плакеток с двойными фигурами: 1 – Иркутская область; 2 – Зауралье; 3 – погр. у городища Нивагальское 20; 4 – Зауралье; 5 – Няксимволь, погр.1; 6 – неизвестный источник; 7 – Нижняя Обь; 8 – Тобольский музей, <http://tiamz.ru/ru/archeology>; 9 – Нижнее Приобье; 10 – Селище Кыжевское 4; 11 – Ишим; 12 – р. Чижапка; 13 – мог. Барсовский VII; 14 – пос. Киньяминское 4; 15 – мог. Нёх-Урий 3.5; 16 – Пряговский 2 мог.; 17 – Гляденовское костище; 18 – Онское городище; 19 – дер. Подбобыка; 2 – Пермь; 21 – Кемоль; 22 – Чердынский уезд; 23 – Няксимволь (1-2, 4, 7, 10 – по: Симонов, Ширин, 2016, Рис. 3; 3 – по: Каракаров, 2011. Рис. 5; 6 – по: https://vk.com/wall-137306544_184; 9 – по: Ширин, 2014. Ил.7-2; 10 – по: Скоробогатова, 2015. Рис. 1; 12 – по: Мягков, 1929. Таб. II-10; 13 – по: Борзунов, Чемякин, 2006; 14 – по: Северная археология..., 2010. С. 66; 15 – по: Северная археология..., 2010. С. 80; 16 – по: Корякова, Шарапова, Ковригин, 2010, Рис.4-1; 17-22 – по: Спицын, 1906. Рис. 68, 180, 171, 243, 244, 248; 23 – по: Труфанов, Труфанова, 2014. С. 80. Ил. 3)

симметричными друг другу. Левая фигура явно представляет мужской персонаж, о чем говорит борода, более резкий профиль лица, головной убор (очевидно, шлем или шапка). Персонаж, находящийся справа, вместо головного убора имеет волосы, черты лица, нос менее выражены. При этом интересно отметить, что руки фигур, соединенные на посохе в центре композиции, неравнозначны, рука женской фигуры лежит выше мужской, отражая, судя по всему, ее более высокий статус.

Семантика изображения на реконструированном украшении очень глубока. Поверхностная одинаковость фигур, являющихся, тем не менее, различными, отсылает нас к кругу близнечных мифов, имеющих широкое распространение в мировой мифологии. В архетеипе близнечесов воплощаются и сливаются представления об одинаковости/двойничестве и разности (воплощении ряда антитез, в том числе разнополости). Отличительными чертами близнечных мифов являются:

- связь пары близнечесов – богов/культурных героев с потусторонним миром (totemом, духами, богами), часто выражаясь в мотиве двойного отцовства, когда отцом одного из близнечесов является человек, а другого – потустороннее существо;

- связь с концепцией происхождения (близнечесы – прародители вселенной, человечества, конкретного народа). Здесь важный момент играет мотив инцеста близнечесов, которые часто в мифах являются одновременно супругами [Куприянова, 2019. С. 68-72].

Собранные аналогии позволяют предложить типологию изображений двойных фигур, отражающую, по всей вероятности, хронологические изменения их семантики. Первоначальным прототипом можно, на наш взгляд, считать бляху (случайная находка из Иркутской области) (Рис. 4.1), явно импортного происхождения, аналогии которой некоторые исследователи предлагают искать в ахеменидском искусстве [Плетнева, 1977]. На пластине (Рис. 2,3) изображена сцена с тремя персонажами, два крайних совершают некое действие со средней фигурой, находящейся в пассивной позиции. Эту же сцену копируют пластины, демонстрирующие по технологии и стилистике местное происхождение, выполненные в кулайском стиле (Рис. 4.2-4). Можно предположить, что на композиции изображена некая мифологически значимая сцена.

Стилистически очень схожи с бляхами верхнего ряда (Рис. 3) описанная нами бляха с Няксимволя и полностью аналогичная

ей находка, представленная в Интернете (Рис. 4.5-6). На этих бляхах изображены уже не три, а две фигуры, по всей вероятности, разнополые, воплощающие в себе символику одного из основных индоевропейских мифологических сюжетов – миф о разнополых близнецах-супругах.

На третьем ярусе (Рис. 4.7-12) представлен следующий этап эволюции данного сюжета в украшениях – две одинаковые однополые фигуры, представляющие также близнецов. Стиль изображения всех блях очень похож и позволяет их выделить в один тип. Характерными чертами этого типа, связывающими его с бляхой с Няксимволем, можно считать квадратную рамку, меандридные композиции по ее краям и посох, расположенный между фигурами. Часть фигур расположена в полупрофиль, лицами к зрителю, часть анфас. В данном типе различия пола или доминирование одной из них не проявляются в положении рук, которые, в зависимости от разворота корпуса либо расположены на поясе, либо по одной соединены вместе на посохе. В этом типе украшений можно увидеть отражение индоевропейского близнечного мифа, переработанного в местной традиции. Как говорилось выше, индоевропейские сюжеты связаны либо с мужской парой близнечов-воинов/колес-

ничих, либо с разнополой парой, связанной с символикой плодородия, происхождения рода или человечества.

У северных народов Западной Сибири в качестве главных персонажей (богов, духов, предков, героев) нередко выступает пара (муж и жена, два брата, брат и сестра, мать и сын, отец и дочь и др.). По мнению А.В. Головнева, эта «двоичность в угорской мифологии выражает состояние противоборства, движения, вражды» [Головнев, 1995, С. 548], а мужское и женское начала – противостоят и дополняют друг друга одновременно [Головнев. 1995. С. 540.].

Бляхи описанного типа, на наш взгляд, могут отражать заимствованный в индоевропейской культуре мифологический сюжет о близнецах, с тем отличием, что здесь соединены черты обоих его вариаций и братья-богатыри становятся прародителями коллектива. Эту же их роль подчеркивает и посох, символ мирового дерева, присутствующий на большинстве композиций третьего яруса (Рис. 4).

Четвертый тип (Рис. 4.13-16) отражает примитивизацию стиля визуализации, описанного выше сюжета. Сохраняется квадратная рамка, но меандридные фигуры по ее краю в ряде случаев превращаются в косые насечки. Изображение двух абсолютно идентичных

фигур, очевидно мужских, стоящих анфас, все более схематично: исчезают детали одежды, прически, лица лишены выражения и переданы тремя кружками и чертой носа, позы одинаковы. При этом бляхи четвертого яруса явно пытаются копировать украшения третьего яруса. При мелких внешних отличиях бляхи внутри двух этих типов очень схожи между собой, их отличает стилистическое единство.

На последнем, пятом ярусе (Рис. 4.17-23) представлены самые поздние, на наш взгляд, украшения, изображающие близнечный сюжет. Их отличает крайнее стилистическое разнообразие, исчезает базовая идея сюжета. Квадратная рамка либо исчезает, либо заменяется рамками других конфигураций. Сами фигуры как однополые, так и разнополые, имеют совершенно различное художественное воплощение, разнообразные позы, одежды. Примечательно, что в некоторых случаях при разнополых фигурах имеется маленькая третья фигурка ребенка (Рис. 3.18-22). Мы не стали приводить здесь все примеры подобных изображений, поскольку их очень много и основной чертой их является отсутствие стилистического единства.

Изученная нами бляха с Няксимволем и найденные ее аналогии наглядным образом отражают,

на наш взгляд, контакты ранних индоевропейцев с ближайшими соседями, в том числе, угорским этносом, и характер оказываемых ими влияний. Представленная эволюция изображений двойных фигур демонстрирует, как в сфере идеологии воспринятый мифологический сюжет сначала воплощается довольно точно, потом перерабатывается в местной манере и в связи с местной мифологией, затем идея сюжета распыляется и трансформируется в разнообразные линии, как забывается и первоначальный источник.

Заключение

Культурное воздействие кочевого евразийского мира, а через него античных и древневосточных цивилизаций (Иран, Египет) хорошо прослеживается на материалах археологии таежного Приобья и сопредельных регионов в раннем железном веке [Полосьмак, Шумакова, 1991. С. 48, 61-62; Чемякин, 2002. С. 240; Соколова, 2009. С. 63; Н.В. Федорова, 2018. С. 93,98; Корочкива, Федорова, 2019. С. 22, Лепихин и др., 2003. С. 44 и др.]. Исследования Няксимволя 2017 г. представили новые примеры этих контактов.

Этнографы связывают с южным компонентом в обско-угорской культуре такие ее черты как: раздельные мужские и женские

места у хантов; особая роль металла в погребальном обряде; косы у мужчин; погребальные маски, культ коня и всадника и некоторые др. [Соколова, 2000. С. 41; Соколова, 2009. С. 66]. Часть из них, так или иначе, прослеживается в исследованных нами няксимвольских находках из погребения № 1.

Вполне вероятно, что в границах раскопа нами была обнаружена часть ритуального комплекса, предназначенного для совершения обрядов погребения социально значимых для всего рода (округи) персон, среди которых, кстати, были дети [Собольникова, Кузина, 2018. С. 318]. В пользу этой версии говорят наличие в погребениях импортных изделий, расположение на его территории большого кострища (со следами неоднократного функционирования) [Собольникова, Кузина, 2018. С. 318, Ил. 3]. Погребение № 1 выделяется на фоне остальных наличием среди сопроводительных вещей сразу двух антропоморфных изображений. Данное обстоятельство позволяет высказать предположение о том, что захороненный в нем человек имел особый статус.

К сожалению, большая часть няксимвольского археологического комплекса безвозвратно разрушена. Часть уникальных предметов древнего искусства удалось сохранить, в виде случайных сбороv они поступили и хранятся в

музеях. Однако без археологического контекста их информативные возможности как исторических источников минимальны. Новые раскопки этого уникального памятника наглядно демонстрируют нам это.

Литература

1. Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 68-108.
2. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 600 с.
3. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
4. Карабаров К.Г. Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское-20 на р. Агане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Ханты-Мансийск; Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. Вып. 9. С. 82-110.
5. Каталог металлопластики // Няксимволь / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск, 2014. С. 91-197.
6. Корочкива О.Н., Федорова Н.В. Клады Урала и Западной Сибири эпохи бронзы – раннего железного века: состав, контексты, интерпретации. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019; № 3 (46). С. 17-28.
7. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (Саргат. культура) Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 239 с.

8. Корякова Л.Н., Шарапова С.В., Ковригин А.А. Прыговский 2 могильник: кочевники и лесостепь // Уральский исторический вестник. 2010. Вып. № 2 (27). С. 62-71.
9. Куприянова Е.В. Божественные Близнецы: происхождение и развитие архетипа // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 48. С. 66-77.
10. Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф., Вильданов Р.Ф., Чуйкина Е.В. Культурные и опосредованные связи населения Среднего Приуралья с цивилизациями древнего Востока и античным миром (по материалам Гляденновского костища) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции, Пермь, 2003. Вып. 3. С. 44-49.
11. Мятков И.М. Древности Нарымского Края: (в собрании Томского краевого музея) // Труды Томского краевого музея. Томск, 1929. Т. 2. С. 51-86.
12. Нукратец Д. Украшения-амулеты. Пермский звериный стиль // URL: <https://www.mdregion.ru/o-kladoiskatelstve/28-rasskazi-kladoiskatelstvo/1389-osobennie-nahodki-amuleti-permskiy-stil-2.html> (Дата обращения: 18.03.2020).
13. Няксимволь / отв. ред. Яковлев Я.А. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 200 с.
14. Плетнёва Л.М. Томское Приобье в конце VIII-III вв. до н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 141 с.
15. Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск: Наука, 1991. 92 с.
16. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. 156 с.
17. Северная археология / под ред. Г.П. Визгалова, О.В. Кардаша. Нертеюганск: НПО Сев. археология; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2010. 112 с.
18. Симонов А.Д., Ширин Ю.В. О времени создания бронзолитейных форм Кижировского городища // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2016. № 3(13). С. 122-131.
19. Скоробогатова А.Ю. Пластина с парным антропоморфным изображением, найденная на селище Кымычевское // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях: сб. науч.-исслед. работ по итогам конф., посвящ. 90-летию проф., доктора ист. наук Т.Н. Троицкой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 11-115.
20. Собольникова Т.Н., Кузина А.В. Археологические исследования в с. Няксимволь в 2017 году // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. статей / отв. ред. Я.А. Яковлев. – Ханты-Мансийск; Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. Вып. 16. С. 313-327.
21. Собольникова Т.Н., Куприянова Е.В. Антропоморфные изображения Няксимволя: новые источники и археологический контекст // V Северный археологический конгресс, 11-14 декабря 2019 г., г. Ханты-Мансийск: тез. докл. Екатеринбург, 2019. С. 386-388.
22. Соколова З.П. Взгляд из XXI века. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2009. 756 с.
23. Соколова З.П. Использование металла в культовой практике обских угров // Этнографическое обозрение. 2000. № 6. С. 30-45.
24. Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Сборник Музея антропологии и этнографии Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая, 1971. Т. 27. С. 211-238.
25. Спицын А.А. Шаманские

- изображения // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. С.-Пб.: Тип. И.Н. Скородова, 1906. Т. 8, вып. 1. С. 29-145.
26. Стародумов Д.О., Комова Н.Г. Городище Няксимволь: история исследования // Няксимволь. Томск, 2014. С.19-32.
27. Труфанов А.Я., Труфанова Ж.Н. Стилистика и иконография металлопластики Няксимволя // Няксимволь. Томск, 2014. С. 67-90.
28. Федорова Е.Г. Традиционные социальные институты северных манси во второй половине XX в. // Социальная организация у народов Сибири: традиция и современность: (сборник научных статей). СПб., 2017. С. 118-161.
29. Федорова Н.В. Западносибирские клады в контексте исторического развития территории (ранний железный век – средневековые) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2018. Вып. XIV. С. 88-113.
30. Федорова Н.В. Антропоморфные изображения Усть-Полуя // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2009. Вып. 6: Пермские финны и угры Урала в эпоху железа. С. 171-175.
31. Федорова Н.В. Антропоморфные образы Усть-Полуя: технология, иконография, композиции стен // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43). С. 63-71.
32. Федорова Н.В. Зооморфный код Усть-Полуя // Археология Арктики. Екатеринбург, 2017. Вып. 4: Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 2. С. 104–126.
33. Федорова Н.В. Север Западной Сибири в железном веке: традиции и мобильность. Очерки. Омск: типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»). 2019. 150 с.
34. Чемякин Ю.П. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой горы // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 2002. Вып. 24. С. 214-245.
35. Чемякин Ю.П. О кулайской металлопластике // Переходные эпохи в археологии: материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское совещание». Сыктывкар, 2013. С. 78-80.
36. Ширин Ю.В. Мурлинский «клад» – состав находок и их аналогии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2014б. Вып. 12. С. 95-110.
37. Ширин Ю.В. Хронология Няксимволя // Няксимволь. Томск, 2014а. С. 33-53.